

graffiti
граффити

Е Владимир
ЕШКИЛЕВ

АНДРОГИН

Книга странствий
Григория Сковороды

Харьков
«Фолио»
2014

*Молния бьет туда, где люди скрывают грехи и клады.
Молния ищет грешников, находит грешников и не ждет покаяния.*

*Молния никогда не ошибается, и выводы ее окончательны.
Он снова видит свой главный, свой неотступный сон. Обугленное тело дядьки Галамана в черном круге выгорелой травы. Видит булатный блеск мертвой кожи и пепел цвета старого фарфора, оставшийся от его волос. Видит застывшую желтую пену вместо глаз. Гроздь пены. Видит, как чем-то сухим и черным крошится когда-то мозолистая пята. Все это он видит отдельными кадрами, словно телесные части казненного молнией грешника сами подпрыгивают к глазам. И нельзя отвести, нельзя закрыть глаз сновидца. По его щекам бегут слезы. Не медленные слезы жалости, а резвые страха. Ибо он молод и ему хочется жить. Хочется греться под солнцем, набивать рот терпкими ягодами, бежать полем под легкими струями летнего ливня.*

Но ему, грешному рабу Божьему, — он знает! — уготована такая же огненная казнь. Ибо на небе ведают о его преступлениях (там ведают обо всем, совокупно с последней спертой им грушей) и готовят прицельную молнию-палача. В момент, когда суровое небо моргнет ею, он упадет и почернеет. Его глаза закипят от неистового жара, треснут и вытекут на скулы пенистыми лужицами, желтыми пузырьками. Тело сгорит, а в грешную душу

вцепятся лапы чертей. Возликуют рогатые, с отвратительным визгом затянут душу в самое пекло. Вниз, во тьму-тьмущую, и еще ниже. Туда, где мечтают о тьме. Туда, где не гаснут горнила огненные под исполинскими сковородками. Куда никогда не заглядывают Боженька с ангелами своими. И на одной из тех сковородок исполнится угроза, укрывшаяся до срока в его фамилии. Он чувствует, как холодные грехи клубятся в его животе и ниже его живота. Грехи отбирают тепло его тела, растягивают во чреве его Великую Мокрицу холода. Она раскидывает щупала свои от нутряной пустоты к шее, плечам и бедрам. Грехи чешутся, давят своей нечистой тяжестью и навлекают кару. Призывают белый немилостивый пламень, созданный Боженькой для выжигания всего несправедного.

Его тянет взглянуть на небесную твердь: не напозла ли на вечный ее покой свежая яростная туча. Но сквозь слезы он ничего не видит. Только льется иконный свет. Из ниоткуда в никуда. Яркий, золотой, словно отраженный от густой хлебной нивы.

И корчится от ярости золотого света Великая Мокрица. Сиротливо движет жевалами, поджимает щупала, ежится и умалывается до пустого места. Вот-вот исчезнет, забирая с собою маленького грешника. Унося его от мира. От иконного золотого света.

«По воле высшей и неисповедимой бугало огненный навестил сего невострепетавшего и избавил его отягощенную многими прегрешениями натуру», — слышит он зычный голос казака Начитаного, и все сущее вокруг него вздрагивает и уходит в плавань. Несется мутным вселенским потоком без русла и берегов. Голос казака пропадает, а из пятнистого марева выныривает иной голос. Женский, звонкий. Он поет-приказывает:

*Бешиха-бешихище
Колючая, шипучая, жгучая, зудящая,
Нудящая, ветряная, водяная, кровавая,
пожарная,
Глаженная, подуманная, помянутая,
помысленная, насланная,
Разойдись, развейся и на этом слове аминь!*

Сенянский монастырь, 29 сентября 1780 года

Он проснулся на «аминь». Низкий потолок остановил его взгляд. Копоть, потрескавшаяся известь, дикие завитки паутины. Он не впервые ночевал в этой келье и успел заметить: переплетение трещин составило подобие рисунка. Там можно было увидеть и некий ушастый лик, и крест, и покосившуюся пирамиду, и еще нечто продолговатое, отдаленно подходящее и на кривую лестницу, и на ящерицу. Худой паук неторопливо прошел вдоль трещин «лестницы-ящерицы», на миг задержался, трижды представил восковые ноги, словно раскинул тузов и пажей в пасьянсе «Одинокие гранды», двинулся дальше. Туда, где темнело пятно копоти.

Темнело-чернело, будто отгиск лохматых врат хаоса.

«Снова этот сон о молнии. Он всегда предвещает путевой сдвиг судьбы... Господи, помилуй меня, грешного». — Резким движением он сбросил с лица соломинку, откинул овчину, осторожно спустил на пол ноги. Вчера там стояла вода в два пальца, теперь было сухо. Только подмок, отяжелел край сенника.

«Утихли хляби небесные, — догадался он. — Теперь отступит грызущая суставы сырость... Но вот сей сон о молнии и сторев-

шем дядьке. Сон преследующий, многолетний. Воистину, переживая мир, не убежишь от ловчих века сего. Силы незримые, сидящие на престолах своих левее сердца, силы мстительные и шальные утомляют, истощают меня этим сном. Хотя помнится: Авксентий-старец говаривал, что оное знамение должно мне принимать как верный признак особенной Божьей ласки. Премудрым был. Наверное, был и прав. Топчет ли до сих пор старец пути смертного мира? Кто сие знает... Кем бы я был теперь, если б не сбежал из-под его руки? Схимником в черном клобуке с ясеневым посохом? Молчальником с пергаментной плотью с пергаментной памятью?»

Он стал для моления на потертый коврик. Колени ощутили прохладную влагу.

«Призри, Отец, заблудших, негодных, тех, кто становился на все пути и со всех путей сходит на полдороге, кто прикладывался ко всем чашам и ни одной не допил...»

Он долго молился. Трудолюбивый паук за это время успел соткать треугольную паутину и устроиться в ее центре. Когда коврик под коленями совершенно высох, он почувствовал присутствие чужого. Оглянулся неспешно. В нынешние неверные времена за спиной мог оказаться кто угодно. И убийца с ножом, и ревнующий о напущении.

— Простите, Григорий Саввич, что без дозволения уцербил ваше молитвенное стояние, — возопил плотного сложения гость, облаченный в платье, шитое по венгерской моде. — Жажду, истинно жажду припасть к чистейшему источнику любомудрия.

«Вот принесло еще одного народного златоуста. Не зря, значит, Начитанный приснился», — подумал Григорий, а вслух промолвил:

— Мир вам, добрый человек. Сия келья весьма тесна и темна. Однако для истинного философа рукотворные стены не есть тем Паргадом, сиречь занавесом предвечным, способным отделить существ сотворенных от невечернего света Творца их.

— Воистину! — согласился гость. — Какие сладкие слова извлекаете из ковчега мудрости, какие словеса медовые! Смакую ими и ликую душевно, слыша вас, Григорий Саввич!

«Сейчас растает от умиления. У таких и ковчег — конфетница».

А вслух:

— Откуда будете, добрый человек?

— Мое имя Остап из рода Бениковских, нежинских мещан звания купеческого, — определил себя гость. — Пришел к вам, драгоценнейший наш Григорий Саввич, не токмо от своей персоны, весьма незначительной, но и от совокупного всенежинского товарищества ваших почитателей. Они доверили мне передать вам сие.

Бениковский снял сработанный из парусины пояс, не без сложностей вывернул его тайный карман, и во мраке кельи блеснули башнями и портретами монеты пфальцской чеканки.

Григорий вопросительно глянул на Бениковского.

— Мы знаем, Григорий Саввич, — не уставал тот, — что вы являетесь истинным нестяжателем и со стоическим презрением смотрите на бранные металлы; умножением же оных озабочены слепцы века сего. Но известно нам и о том, что поручено вам недреманно и твердомысленно блюсти великое сокровище прадедов наших, что сим палладиумом во времена предуказанные будет выкуплена и спасена от проклятия земля наша. Исходя из одного, покорнейше просим умножить утаенное сокровище

скромным овощем торговых трудов наших. Послали меня к вам, Григорий Саввич, в сугубой тайне. И как раз сейчас, когда здешние монастырские власти и сопутствующая им суетная людность отбыли в Харьков¹. Прошу вас, не отказывайте и благословите, благой муже.

Бениковский неуклюже, как все толстяки, сполз на колени, натужно засопел и поставил столбик пфальцгалеров на сенник возле Сковороды.

Тот молча глядел на смиренного нежинского мещанина. Размышлял о том, как мелеют и теряют глубину озера тайн. Как вытекает из них сквозь тысячи дыр человеческой болтовни тихая вода забвения. Вот уже и этот незванный лепечет о «палладиуме» и «спасении от проклятия». Будто пересказывает кумушкам ярмарочную сплетню.

Так суета проникает во все сокровенное.

Так изменчивость опошляет грозные тайны.

«Бугало огненный... Но как крикливо и нагло объяснение сна явилось. Не задержалось, не заблудилось, не отложило визитации. Молния бьет туда, где прячут грехи и клады. Молния не ошибается. Никогда».

¹ В конце сентября 1780 года в Харькове с большой помпой праздновали основание наместничества.

Часть I

СТАДИЯ ВЕНЕРЫ. БАШНЯ

Киев, июль, наше время

Улица извивалась между складами и гаражами, разбегалась рукавами-переулками, пробиралась под балконами новостроек и советских «нахаловок», ныряла под мосты, но не исчезала, а бежала, лилась, вилась и спешила дальше. Ее пестрые здания с трехсотыми номерами казались позитивнее серых и желтых двухсотых. Чем дальше от центра, тем уютнее становились кварталы, выше липы и тополя, шире скамейки и чище окна. Упрямая улица в конце концов вывела Вигилярного за пределы промышленной застройки. Вывела туда, где еще сохранились полковничьи и профессорские особняки с мансардами и старыми яблонями. Утомленные деревья тяжело опирались ветвями на широкие доски заборов.

Покрытый десятками слоев зеленой «эмальки», крепкий дощатый забор окружал двор с двухэтажным особняком под триста 337 номером. От соседних заборов его отличал разве что яркий спрей-арт: обведенные черным контуром рисунки женских тел, раздутых, как целлины, bubble-letters¹ и росчерки, чьих завитков Вигилярный не разобрал. Граффити казались совсем свежими.

¹ Один из распространенных стилей современного спрей-арта.